

Транслатологический анализ диминутивов в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского

Francišković, Teo

Master's thesis / Diplomski rad

2024

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:250835>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-09-15**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik

Diplomski rad

*Транслатологический анализ диминутивов в романе «Преступление и наказание»
Ф.М. Достоевского*

student: Teo Francišković
mentor: izv. prof. dr. sc. Branka Barčot
ak. god.: 2023./2024.

U Zagrebu, siječanj 2024.

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik

Diplomski rad

*Translation analysis of diminutives in the novel “Crime and Punishment” by F.M.
Dostoevsky*

student: Teo Francišković
mentor: izv. prof. dr. sc. Branka Barčot
ak. god.: 2023./2024.

U Zagrebu, siječanj 2024.

Содержание

1. Введение	5
2. Особенности диминутивов в русском и хорватском языках	6
2.1. Диминутивы в русском языке.....	7
2.2. Диминутивы в хорватском языке.....	10
2.3. О переводе диминутивов.....	10
3. Диминутивная лексика в романе <i>Преступление и наказание</i>	14
3.1. Методология исследования	15
3.2. Анализ перевода первой части.....	16
3.3. Анализ перевода второй части.....	24
3.4. Анализ перевода третьей части.....	31
4. Заключение	36
5. Список литературы	40
6. Источники.....	42
7. Sažetak.....	42
8. Kratki životopis.....	43

1. Введение

Уменьшительно-ласкательные слова передают значение малого объема или размера определенного предмета, а также субъективно-оценочное значение ласки и нежности. Это одно из многочисленных языковых средств, «с помощью которых в текст вводится субъективная оценка явления, человека или предмета, высказывается авторское к нему отношение» (Чжинань et al. 2019: 18), вообще в художественных текстах они играют роль «в создании речевого портрета персонажа, а также для выражения авторской оценки» (Есакова 2020: 75). Сферы использования уменьшительно-ласкательных слов, их экспрессивный потенциал и палитра смыслов в разговорной речи постоянно развиваются и расширяются, благодаря чему они все еще исследуются и привлекают к себе научный интерес и внимание. В современной лингвистике эти языковые единицы еще называют диминутивами, а встречается также альтернативный вариант написания – деминутив. В настоящей работе будем пользоваться определениями *уменьшительно-ласкательные слова* и *диминутивы* в зависимости от цитируемого автора.

В русском и хорватском языках и культурах существуют заметные подобия, но также и огромные различия, особенно что касается образования и употребления диминутивов. В отличие от русского языка, в хорватском они употребляются значительно реже и, в большинстве случаев, только в значении уменьшительности. Поскольку диминутивы в русском языке «обладают известной многозначностью», это «создает дополнительные трудности для понимания всей системы смыслов, заложенных автором русского оригинального произведения, иноязычным читателем и переводчиком» (Есакова 2020: 76-77). Они особые единицы перевода, нуждающиеся в особых стратегиях перевода, и поэтому они нас в настоящей работе интересуют.

Во всем известном романе Федора М. Достоевского *Преступление и наказание* уменьшительно-ласкательные слова встречаются достаточно часто и выполняют разные экспрессивные и стилистические функции. В данной работе изучается употребление уменьшительно-ласкательных слов в трех частях первой главы романа, точнее стратегии их перевода, которые анализируются на примере трех переводов *Преступления и наказания* на хорватский язык. Цель исследования работы – утвердить и описать самые частые и эффективные переводческие стратегии, которыми сохраняется значение, выраженные персонажами эмоции, черты авторского стиля и образность текста.

В первой части работы изложены основные факты о диминутивах и их особенностях в русском и хорватском языках, а также особенности передачи их значения при переводе с исходного на некоторый иностранный язык. Во второй части проводится анализ их переводов с русского на хорватский язык на примере *Преступления и наказания* (это хорватские переводы, сделанные Исо Великовичем, Златко Црнковичем и Татьяной Радмило), заодно и сопоставление этих переводов с целью выявления преобладающих приемов перевода уменьшительно-ласкательной лексики.

2. Особенности диминутивов в русском и хорватском языках

Диминутивность – это категория языка, чаще всего осуществлена морфологически, «связана, с одной стороны, с выражением значения "уменьшенности", с другой стороны, очень часто пересекается с категориями эмотивности и экспрессивности» (Иванченко 2019: 6). Поскольку они выполняют самые разные функции в коммуникации, речь идет о когнитивно-прагматической категории, влияющей на языковую картину мира – по словам Т.А. Иванченко, одна из ключевых категорий, «которая играет доминантную роль в русскоязычной картине мира» (там же: 5).

У каждого языка есть особый способ восприятия, организации, и концептуализации мира, связан с своеобразной культурой носителей языка и с особенностями структуры данного языка. Это называется *языковая картина мира*, она «несет в себе изображение мира при помощи языковых средств, которое и создает наглядное представление о предметах и явлениях окружающей действительности» (Алефиренко 2012: 134), и она является результатом того, «что люди различных культур структурируют мир вокруг себя по-разному, по крайней мере, в языке» (там же: 80). Н.Ф. Алефиренко, изучив теорию лингвокультурологии и представив взаимодействие языка и культуры в своей книге, предупреждает о языковых различиях между культурами и внутри культуры, которые классифицируют мир по-разному и отражают различия во взглядах на мир (там же). Не удивляет, что в разных языках элементы кодируются и выражаются по-разному, так как их носители их воспринимают по-разному, и это относится к носителям хорватского и русского языков. О языковой картине мира также писали Е.И. Зиновьева и Е.Е. Юрков в своей книге, утверждая, что языковые картины варьируются в различных

языках (Зиновьева 2009: 39). В их книге выделяется термин *языковая ментальность* – «способ языкового представления, или деления мира, т.е. включает соотношение между миром и его языковым представлением» (там же: 33), причем имеется в виду созданный человеком мир, «мир речевых действий человека и его состояний» (там же).

В русском и хорватском языках существует возможность морфологически передать когнитивное значение уменьшения размера объекта и связанные с ним эмоционально-оценочные компоненты семантического содержания. Генетическое родство русского и хорватского языков, их общеславянский корень, обусловили наличие в них целого ряда похожих по структуре и содержанию типов эмотивных высказываний. Об их сходстве писала М. Радченко в двух своих статьях, упомянув, что русский и хорватский принадлежат языкам синтетического строя благодаря чему «обладают развитой системой аффиксов, часто сочетающих сразу несколько значений» (Радченко et al. 2009: 134). При ее анализе неологизмов в современном русском и хорватском языках, Радченко заметила ряд общих тенденций в образовании русских и хорватских неологизмов, которые она приписывает сходству «словообразовательных систем двух родственных славянских языков» (Радченко 2009: 143). Однако системы двух языков также отличаются своими национально-культурными и структурно-языковыми основами.

2.1. Диминутивы в русском языке

Благодаря весьма разнообразному количеству диминутивных суффиксов, широкому спектру производящих основ, от которых можно образовывать диминутивы, и разным коммуникативно-прагматическим функциям, выполняющим диминутивами, «русский язык обладает несомненным преимуществом с точки зрения словообразовательного и семантического потенциала для выражения когнитивной и эмотивной составляющей диминутивности» (Иванченко 2019: 7). Двойственность значений русских диминутивов способствует их потенциалу передать огромное количество эмоций, а многозначность объясняется тем, что они образуются от лексем «с конкретно-предметным значением, со значением вещественности, времени, лица, процесса, признака, состояния» (Есакова 2020: 76). Они играют немаловажную роль в русском языке.

Изучая особенности диминутивов в русском языке, М.Н. Есакова напоминает, что «диминутивность в русском языке может передаваться не только морфологическими, но и лексическими средствами (например, с помощью прилагательных)» (Есакова 2020: 76), хотя «морфологический способ выражения диминутивности имеет более богатую палитру средств в синтетических языках» (там же). Морфологическим способом они создаются добавлением суффикса к производящей основе слова (Розенталь et al. 2004: 164). Среди огромного разнообразия суффиксов русского языка существуют особые суффиксы, привносящие в семантику производного слова значение уменьшительности и ласки (или других эмоций). Уменьшительно-ласкательные суффиксы – значимая часть слова, придающая особый оттенок его исходному значению (значение ласки, а также уменьшительности и ласки), и они следующие: *-ик, -чик, -ок/ёк, -к, -оч-к/-еч-к, -ец/ц/шц, -еньк/онък, -ушк/-юшк, -ышк, -ёнк/-онк, -ишк, -инк* (из сочетания суффиксов *-ин* и *-к*), *-енк* (Фуфаева 2016: 258). Эти суффиксы весьма продуктивны и, приводя их к разным лексемам, можно образовать диминутивную форму.

В своей статье о диминутивах в русском языке, И.В. Фуфаева разделяет диминутивы на три группы: уменьшительные диминутивы, экспрессивные диминутивы, и бывшие диминутивы (Фуфаева 2016: 257). По ее словам, чисто уменьшительные, в сравнении с нейтральными формами, «обозначают другие предметы, [...] меньшего размера, с иной функцией» (там же), а экспрессивные «выражают эмоционально-оценочное отношение к обозначаемым объектам – ласку, пренебрежение, иронию и пр.» (там же). Фуфаева пользуется термином *экспрессивный диминутив* вместо *ласкательный диминутив* «поскольку экспрессия диминутивов, помимо ласкательности, включает заискивание, иронию, жалость, пренебрежение и пр.» (там же). Третья группа, бывшие диминутивы, относится к диминутивам, вытеснившим нейтральные формы их коррелятов. Фуфаева различает два случая: «1) когда нейтральная форма совсем не утрачена (*ель – елка, чиж – чижик*) или не совсем утрачена (*пята – пятка*); и 2) когда нейтральная форма в современном русском языке уже полностью утрачена (*зябел – зяблик*)» (там же: 258). Иными словами, диминутивы третьей группы Фуфаевы либо стали равноправными и употребляются в одинаковых контекстах с их нейтральным коррелятом, либо совсем вытеснили первый компонент пары из современного русского языка. Что касается нашего анализа перевода диминутивов на хорватский язык, в счет идут только лексемы первого случая – когда нейтральная форма все еще существует в языке (*дед – дедушка, колбаса – колбаска*). Слова, которые раньше были диминутивами, а сегодня являются

единственной нейтральной формой (*сердце, птица, спичка* и т.п.) нас не интересуют в рамках настоящей работы.

В зависимости от выполняемых диминутивами в речи функций, у Иванченко свое разделение на следующие типы: лексикализованные, когнитивные, и коммуникативно-прагматические диминутивы (2019: 7). Лексикализованные диминутивы, по Иванченко, это те, которые обладают нулевой коммуникативно-прагматической семантикой, и «в значении которых сема "уменьшительности" отходит на второй план и обусловлена [...] формальными признаками – диминутивными суффиксами, позволяющими относить подобные лексемы к диминутивным образованиям» (там же). К их примеру можно отнести слова: *ножка (стула), ручка (двери) и горлышко (бутылки)*. Стилистические и прагматические коннотации типично выражены диминутивами не проявляются в этих словах. Вторая группа, когнитивные диминутивы, это лексемы, которые указывают на «уменьшенный размер, малый возраст, объем, малое количество, малую интенсивность признака обозначаемого объекта действительности» (там же). Эмоциональное значение, если оно вообще выражено, имеет здесь второстепенное значение. Эта группа отвечает уменьшительным диминутивам по классификации Фуфаевы. Коммуникативно-прагматические диминутивы, третья группа, включает те лексемы, «при употреблении которых на первый план выходят контекстуальные, связанные с эмоциональной оценкой и экспрессией коннотативные значения» (там же). Они передают самые разнообразные стилистические значения (либо положительные, либо отрицательные), а также обладают значительным прагматическим потенциалом. Эти диминутивы отвечают экспрессивным диминутивам по классификации Фуфаевы. Их прагматический потенциал больше всего отражает языковую картину мира русскоговорящих, т.е. особенность их языкового сознания, о чем говорит Алефиренко. Алефиренко отмечает, что «социально значимая активность лингвокультурологических единиц [...] обуславливаются, прежде всего, их репрезентативно-прагматической сущностью, ориентированной на выполнение различного рода директивных, воздействующих и экспрессивно-оценочных функций» (Алефиренко 2012: 112), и эта сущность, закрепленная в русской диминутивной форме, отсутствует в эквивалентной форме других языков или имеет иные ассоциативные и смысловые связи.

2.2. Диминутивы в хорватском языке

Диминутивность в хорватском языке является функционально развитой категорией и носители языка ей пользуются в определенных ситуациях общения. Все-таки, частота их употребления и прагматические коннотации более ограничены в сопоставлении с русским языком, несмотря на общность их грамматической структуры. Диминутивы в хорватском языке творятся с помощью следующих суффиксов: *-(a)c*, *-(a)k*, *-ance*, *-ašce*, *-ca*, *-ce*, *-če*, *-čica*, *-čić*, *-eč(a)k*, *-elj(a)k*, *-er(a)k*, *-ence*, *-ešce*, *-ica*, *-ič(a)k*, *-ić*, *-ulj(a)k* (Babić 1972: 22-23). С. Бабиц, в своей статье о хорватских диминутивах, все-таки напоминает, что из перечисленных восемнадцати суффиксов, продуктивными являются только *-ica*, *-ić*, *-čić*, суффикс *-če* является средне продуктивным, а остальные слабо продуктивными или непродуктивными (там же: 24). Поэтому разные лексемы, которые творят диминутив с помощью неплодотворных диминутивов, например *-(a)k*, сегодня также имеют формы, образованные с помощью плодотворных суффиксов, например *-ić*, *-čić* (Babić 1986: 84). Это тем важнее, поскольку разные аффективные ассоциации преимущественно связаны с ныне непродуктивными суффиксами, а продуктивные суффиксы нейтрально маркированы, их аффективное значение приобретают только из контекста (Babić 1972: 27). Многие существительные в хорватском неспособны образовать диминутивную пару так как суффиксы *-ica*, *-ić* и *-čić* продуктивны в других значениях и их производные формы уже заняты (Babić 1986: 145), например суффикс *-ica* в значении женского лица (там же: 136). В этом смысле хорватские диминутивы противостоят русским, в котором ласкательно-эмоциональные значения диминутивов ярче выражены, и которые можно образовать от большего числа суффиксов.

2.3. О переводе диминутивов

Структурное своеобразие русского и хорватского языков и разница национальных культур их народов формируют две чрезвычайно особенные языковые картины, что отражается при переводе определенного текста с одного языка на другой. Исследовав особенности передачи диминутивного значения при их переводе, Иванченко указала на тот факт, что «в процессе перевода, который является одним из видов межкультурной коммуникации, происходит "столкновение" языковых картин мира» (Иванченко 2019: 6). Это особенно создает трудности если части картины мира, передаваемые исходным

языком, не присущи картине мира языка перевода. Такие трудности, по словам Есаковой, лучше всего выражаются в переводе художественных произведений, и они связаны «с асимметрией в менталитете представителей разных наций» и тем фактом, что «в тексте перевода важную роль играет его прагматика» (Есакова 2020: 89). Ну, чтобы обсуждать перевод диминутивов с русского на другой язык, пора познакомиться с теорией перевода и теоретической базой в переводоведении.

Н. Павлович в своей книге обращает внимание на несколько теорий перевода, так как их существует много, в результате формирования разных школ переводоведения. То, о чем многочисленные теоретики говорили и к чему (по-разному) относились – это эквивалентность переводов, термин, который Павлович определяет как «отношение одинаковой ценности между двумя текстами, характерное именно для перевода и его источника»¹ (Pavlović 2015: 31). Она потом обращается к де Соссюру, который утверждал, что ценность (*valeur*) лексем или грамматических категорий между языками не совпадает в полностью (там же: 33), и к Роману Якобсону, согласно которому весь когнитивный опыт можно выразить на любом языке несмотря на то, что между ними не существует эквивалентность единиц кода (там же: 44). Полную эквивалентность, по мнению Джона Кэтфорда, вообще невозможно осуществить на уровне единой лексемы и всего текста одновременно, а переводится текст, не слово (там же: 45). Проблема эквивалентности и неэквивалентности отмечена и у Алефиренко по поводу разных языковых картин мира, где предупреждается, что нередко ошибочно считается, «что если взять какое-нибудь слово родного языка и найти ему буквальный эквивалент в другом языке, то это слово будет значить там то же самое» (Алефиренко 2012: 77). Ситуация, на самом деле, намного сложнее, потому что «люди разных культур могут связывать с одним и тем же словом разные ассоциации» (там же), из-за чего точных эквивалентов просто нет. О эквивалентности в переводе и трудностях передачи культурных реалий писала и С. Веселица Майхут. Приводя стратегии перевода Питера Ньюмарка, Веселица Майхут указывает на культурный эквивалент, прием, которым культурная реалья в тексте источнике сменяется на культурную реалию из языка перевода (Veselica Majhut 2020: 50), напр. смена термина ЕГЭ на *A level* (по-английски), *Abitur* (по-немецки) или *matura* (по-хорватски). Эти определения все обозначают вид

¹ «odnos jednake vrijednosti između dvaju tekstova koji je karakterističan upravo za prijevod i njegov izvornik» (перевод цитаты, сделанный автором текста, Т.Ф.)

экзамена в средних школах, который служит выпускным экзаменом из школы и вступительным экзаменом в вузы в каждой из этих культур, но они вряд ли точные эквиваленты – уже системы среднего образования, в которых они проводятся, резко отличаются. В качестве примера, Веселица Майхут также приводит английское слово *pub*, которое по-хорватски переводилось чаще всего словами *bircuz*, *krčma*, *gostionica* (культурными эквивалентами), и, по-новому, калькой *pub*, которая все-таки имеет различные ассоциации в двух культурах (о чем сообщает и Алефиренко) и обозначает в хорватском что-то другое (Veselica Majhut 2020: 36). Поскольку адекватный перевод (эквивалент), по всему судя, тяжело выбрать, Павлович подчеркивает, что ни один из приемов перевода не лучше или хуже другого, это задача переводчика в определенной ситуации найти подходящую стратегию (Pavlović 2015: 92).

В ее тексте о теории перевода, И.С. Алексеева указывает на то, что перевод будет зависеть от типа текста и вида информации, который этим текстом передается. По ее словам, существуют четыре вида информации в тексте: когнитивная, эмоциональная, оперативная и экспрессивная (Алексеева 2008: 50-55). Когнитивный вид, передающий объективные сведения о внешнем мире, совпадает с когнитивными диминутивами по классификации Иванченко и Фуфаевы, выражающими уменьшенный размер предмета (т.е. объективную реальность), пока эмоциональный вид, служащий для передачи чувств в процессе коммуникации, интересно отвечает коммуникативно-прагматической группе и их функции отражать в первую очередь эмоции и ласку. Перевод определяется не только видом информации, конечно, а также типом текста. В настоящей работе, как уже утверждено, анализируется *Преступление и наказание*, художественное произведение (роман). Алексеева насчет художественных произведений отмечает, что их когнитивная и эмоциональная информации совсем подчинены эстетической информации, объяснив: «когнитивная информация в художественном тексте существует на заднем плане, и она не вполне достоверна» так как «автор использует ее в своих художественных целях» (там же: 132), и что «в тех же целях используется и эмоциональная информация» (там же). Следственно, Алексеева подводит итог, что переводчик при переводе такого типа текста сталкивается с проблемами передачи временной дистанции, черт литературного направления и индивидуального стиля автора (там же: 135). Посыл автора и то, что он хотел подчеркнуть или описать введением определенного диминутива, играют важную роль при их передаче. Исследовав употребление диминутивов в русской литературе, А.А. Буряковская и Ю.Н. Звонарева упоминают, что в художественной речи

дими́нүтивы особенно ярко выражают «дополнительные уменьшительные, увеличительные, ласкательные оттенки значения, иронию, пренебрежение» (Буряковская 2010: 316), и что в литературе зачастую используются для создания определенного эффекта, точнее «для выражения эмоционального отношения автора к объекту повествования», что способствует «приданию речи иронической или даже сатирической окраски» (там же: 318). Поэтому переводчик должен справиться с информацией и эффектом, заключенным в дими́нүтивах.

Вид информации в художественном тексте отличается от остальных типов текстов, но это касается и ее релевантности. Если дими́нүтивом в русском языке одновременно выражается когнитивная и эмоциональная информации, а хорватским эквивалентом из-за иной культуры коммуникации (иной языковой картины мира) можно выразить лишь одну из них, переводчик выбирает какая из них важнее. Релевантность информации нетрудно определить, так как взаимосвязанность релевантности и усилий по обработке информации, по мнению Н. Палашич, является обратно пропорциональной: «чем сложнее информация воспринимается, запоминается, чем сложнее сделать какой-нибудь вывод на ее основе, тем менее релевантной она будет и тем меньше внимания мы ей будем уделять»² (Palašić 2020: 144). Первая интерпретация, поэтому, имеет преимущество над остальными. В художественном тексте точную интерпретацию не же настолько просто сделать – «в схеме источник – реципиент происходит передача информации от одной индивидуальности (автор) к другой индивидуальности (читатель)» (Алексеева 2008: 133), и в этом процессе автор пользуется текстом как средством самовыражения, а его реципиентом может быть любой человек (там же: 132). Переводчику приходится решить, какая информации имеет превосходство в зависимости от конкретной ситуации, если в языке перевода невозможно выразить всю палитру значения.

Дими́нүтивы в художественном произведении выражают не только уменьшительные оттенки значения, а еще ласку, нежность, умиление, восторг, недовольство, жалость, пренебрежение, сарказм и иронию. Можно сделать вывод, что дими́нүтивные формы представляют собой единицы перевода, требующие особого внимания и «тщательного

² «što je informaciju teže percipirati, memorirati, što je teže donijeti kakav zaključak na temelju nje, to će manja biti njezina relevantnost i manje ćemo joj pozornosti poklanjati» (перевод цитаты, сделанный автором текста, Т.Ф.)

анализа и подбора соответствий в языке перевода, в которых сохранялись бы прагматика и экспрессивность, заложенные автором в тексте оригинала» (Есакова 2020: 88). При переводе на другой язык, в нашем случае на хорватский, невозможно будет передать весь объем использованных автором когнитивных и эмоционально-оценочных значений и достичь стилистическую и прагматическую эквивалентность подлинника. Об этой проблеме писала Иванченко, заявив, что «закрепленное в русскоязычной картине мира многообразие связанных с диминутивностью эмоционально-оценочных коннотаций, выражаемых русскими диминутивными лексемами, зачастую сложно передается на другие языки, [...] в которых категория диминутивности не столь развита» (Иванченко 2019: 10). Задача переводчика не только передать смысл, а адаптировать текст к стилю и правилам языка перевода, заодно сохранить картину мира исходного языка, и выразить ее с помощью картины мира целевого языка.

3. Диминутивная лексика в романе *Преступление и наказание*

Прежде чем обратим внимание на переводческие стратегии диминутивов в романе, следует отметить их роль для характеристики персонажей и функции в тексте, связанные с художественным замыслом автора. Диминутивы в романе *Преступление и наказание* «служат средствами создания образов персонажей произведения, то есть выполняют характерологическую, изобразительную функцию, а также функцию оценки» (Чжинань et al. 2019: 18). Диминутивы являются важным смыслообразующим средством, играют роль «в создании речевого портрета персонажа» (Есакова 2020: 76), а также выражают отношение автора к затронутой теме и повествованию, т.е. «симпатию или антипатию к определенным героям, вещам, событиям, иронию, сочувствие, пренебрежение» (там же). Их значение, следовательно, зависит от замысла автора, от того, что автор хотел сообщить и какой посыл он имел в виду.

В работе рассматриваются лишь первые три части первой главы романа, в которых диминутивы употребляются в описаниях трех персонажей: Алены Ивановны, Семена Мармеладова и Пульхерии Раскольниковы. Диминутивами изображается и усиливается бедность главного героя, Родина Романовича Раскольникова, а также его отношение к остальным трем персонажам.

Чтобы оценить удачность трех переводов на хорватский язык, следовало разобрать номинативную, экспрессивную и стилистическую функцию диминутивов в каждой из трех частей, и в какой мере эти функции сохранены в переводе. Из частей романа, над которыми проведено настоящее исследование, было отобрано и проанализировано сто тридцать пять диминутивных форм.

3.1. Методология исследования

Выделим диминутивы в романе на основе классификации Иванченко и посмотрим переводческие стратегии передачи когнитивного, коммуникативно-прагматического и стилистического потенциала диминутивов с русского на хорватский язык. Когнитивные (уменьшительные) диминутивы указывают в первую очередь на размер/рост предмета, а дополнительные эмотивные значения – если существуют – занимают второстепенное место. Коммуникативно-прагматические диминутивы, с другой стороны, прежде всего отражают экспрессивное отношение к герою или предмету (раскрывают эмоции героя, от одобрительно-снихождительных до пренебрежительных и уничижительных). В счет включим и случаи нулевой семантики, т.е. лексикализованные диминутивы.

Что касается стратегий перевода диминутивов, нам поможет статья *Диминутив как микропереводема (на материале романа М. Шишкина «Письмовник» и его перевода на сербский язык)*, в которой рассматривается диминутив в контексте перевода на сродный хорватскому язык – сербский. Автор статьи выделил следующие стратегии перевода диминутивов с русского на сербский язык (Голушин 2018: 51):

1. Полное совпадение суффиксов (полный перевод);
2. Замена суффиксов (частичный перевод);
3. Утрата диминутивных суффиксов (нулевой перевод);
4. Добавление суффиксов (компенсированный перевод).

Полное совпадение суффиксов подразумевает, что в тексте перевода использован тот же диминутивный суффикс, который был использован в тексте источника (его формальный эквивалент), например *Сашка = Saška*. Во втором случае, по определению Голушина, сохраняется диминутивная форма, но вместо формальных эквивалентов переводчик употребляет суффикс другой формы, как в примере *сандалики = sandalice* (там же: 52). В третьем случае суффикс утрачивается при переводе: *ножки = noge* (там же: 53).

Первая, вторая и третья категория Голушина отвечают требованиям данной работы, но еще добавим новую категорию – стратегию компенсации диминутива посредством употребления словосочетаний с прилагательными (или, реже, другими частями речи). В последнем случае также происходит утрата диминутивного суффикса, но, в отличие от нулевого перевода, значение передается выбором подходящего прилагательного. Этот прием перевода прослеживается в хорватских переводах *Преступления и наказания*, упоминается у Иванченко (2019: 9) и Есаковы (2020: 86), и поэтому считается существенным в рамках настоящей работы. Прием напоминает так называемый описательный перевод, при котором объясняется значение культурной реалий (Pavlović 2015: 78), на основе чего компенсацию суффикса посредством прилагательных в данной работе определим термином *описательный перевод*. Еще осталось обсудить стратегию добавления суффикса, которую Голушин называет компенсированным переводом, суть которой «заключается в том, что в тексте перевода появляются диминутивные формы, которых не было в оригинальном тексте» (Голушин 2018: 54). Согласно определению Павлович, компенсированный перевод относится к тому методу, когда раньше утрачено свойство языка возмещается тем же свойством на другом месте в тексте, где его в источнике нет (Pavlović 2015: 92). Если считать диминутив таким свойством, можно утвердить, что речь идет о компенсации. Следовательно, сосредоточимся на следующие приемы:

1. Полное совпадение суффиксов (полный перевод);
2. Замена диминутивных суффиксов (частичный перевод);
3. Компенсация посредством прилагательных (описательный перевод);
4. Утрата диминутивных суффиксов (нулевой перевод);
5. Добавление суффиксов (компенсированный перевод).

3.2. Анализ перевода первой части

Первая часть первой главы романа сосредоточена на отношении Раскольникова к Алене Ивановне. Вводится пока скрытое от читателя решение бывшего студента убить старуху. Алена Ивановна вызывает у Раскольникова отвращение, что подчеркивается выбором лексико-грамматических средств, включая диминутивы, при ее описании: «В описании Алены Ивановны диминутивы способствуют передаче пренебрежительного отношения к ней» и выступают «средством негативной характеристики персонажа» (Чжинань et al. 2019: 19). Постоянное употребление уменьшительно-ласкательных слов

при описании ее физических черт создает банальность гадкого соперника главному герою – это не могущий, страшный злодей, а никчемная, крошечная старушонка. Она противопоставляется виду великого человека, Наполеона, с которым Раскольников себя ассоциирует. Кроме того, диминутивы также призваны «передать трепет Раскольникова, [...] создать ощущение контраста между обыденностью его действий и тем страшным преступлением, которое он собирается совершить» (там же: 20). Разведку квартиры – т.е., подготовку к убийству – он описывает как простое *дельце*. Интерьер и квартира старушонки также изображены диминутивами, отображая и усиливая этим способом крошечность и тривиальность Алены Ивановны, точнее незначимость ее жизни в глазах главного героя.

1. Перевод лексикализованных диминутивов

В своей статье, приводя методы перевода диминутивов с русского на немецкий язык, Иванченко утверждает, что в следствие того, что у лексикализованных диминутивов значение уменьшительности и эмоционально-оценочная семантика совсем утрачены, «при их переводе в основном используются либо недиминутивные лексемы [...], либо такие же "стертые" аналоги-диминутивы» (Иванченко 2019: 8). В первой части анализируемого нами романа замечается немного лексикализованных диминутивов, всего их девять (семь различных лексем, две из которых дважды повторяются): *спинка* (стула), *связка* (ключей), *бородка* (ключей), *площадка* (два раза), *звонок* (два раза), *колокольчик*, *пылинка*. Хотя все эти лексемы образованы с помощью диминутивных суффиксов, они указывают не на предметы уменьшенного объема, а обозначают нейтральные единицы. В следующей таблице приведено как каждый из трех хорватских переводчиков справился с ними:

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
спинка	naslon	naslon	naslon
связка	kolutić	svežanj	svežanj
бородка	brada	sjekirica	oštrica
площадка (2)	hodnik (2)	odmorište (2)	odmorište (2)
звонок (2)	zvonce; zvonca	zvonce; zvonca	zvonce; zvana
колокольчик	zvončić	zvonce	zvonce
пылинка	trunak prašine	zrnce prašine	zrnce prašine

Переводчики использовали разные слова и словосочетания, включая ряд диминутивов, причем это когнитивные диминутивы, а не аналоги-диминутивы с нулевой семантикой

(т.е. нейтральные лексемы). Приемы перевода обозначены разными цветами в таблице: замена диминутивных суффиксов синим цветом, утрата суффиксов красным цветом, а сочетание частичного и описательного перевода синим и желтым.

Из приведенного видно, что практически половина лексикализованных диминутивов передана нулевым переводом: четыре из девяти у Великановича и Црнковича, шесть из девяти у Радмило. Остальные переданы методом частичного перевода, т.е. хотя форма сохранена, на месте русских суффиксов *-ка*, *-ок*, *-ик* появляются суффиксы *-ić*, *-ce*, *-ica*, *-ak*. Обилие суффиксов *-ić*, *-ce*, *-ica* в хорватских переводах, что станет очевидно и на примере следующих таблиц, отвечает замечаниям Бабица, что они самые продуктивные в хорватском языке (Babić 1972: 27). Суффикс *-ak* во всех переводах появляется только однажды в тексте Великановича (слово *trunak*), подтверждая, что пользуемся им гораздо менее активно в современном языке, и что более продуктивным он был в прошлом (там же: 26). Интересен случай лексемы *пылинка*, обозначающей «частица пыли» (gramota.ru), значение которой расписывается в хорватских переводах и передается словосочетанием (*trunak/zrnce prašine*), подобно стратегии описательного перевода. Однако добавленный компонент является не прилагательным, а диминутивом. Благодаря этому сохраняется диминутивная форма и поэтому считаем такой прием сочетанием двух методов – частичного и описательного перевода. По принципу сохранения диминутивной формы, лексикализованные диминутивы вернее всех перевел Црнкович, использовав пять диминутивов при переводе, а более нейтрализованный перевод замечается у Радмило, с только три диминутива в переводе.

2. Перевод когнитивных диминутивов

Что касается перевода когнитивных диминутивов, которые передают в первом плане реальную уменьшительность предметов, Иванченко отмечает, что они на немецкий язык «могут переводиться [...] аналогичными диминутивными лексемами» (Иванченко 2019: 8), но «все-таки чаще они передаются словесными аналогами, лишенными семантики диминутивности» поскольку использование диминутива, в отличие от русской языковой культуры, «кажется излишним и необоснованным в свете немецкой языковой картины мира» (там же: 9). Как уже раньше в работе было утверждено, в хорватском языке они также употребляются в меньшей степени, чем в русской культуре. Поэтому, можно ожидать, что в трех хорватских переводах их будет значительно меньше по сравнению с русским подлинником. В первой части *Преступления и наказания* насчитываем

четырнадцать когнитивных диминутивов (одиннадцать различных лексем, из которых одна повторяется два раза, одна три раза). Два из этих диминутивов (*щёлочка*, *комнатка*) дополнительно усилены в значении уменьшительности при помощи прилагательного *крошечный*, который им добавлен. В следующей таблице приведено как когнитивные диминутивы переведены на хорватский язык:

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
каморка (3)	sobica (2); soba	sobica (3)	sobica (3)
крошечная щёлочка	- (malo odškrinuše)	- (jedva jedvice odškrinu)	- (jedva odškrinula)
глазки (2)	očice (2)	sitne oči; oči	očice (2)
зеркальце	ogledalo	zrcalo	ogledalce
картинки	slike	slike	slike
крошечная комнатка	sobica	majušna soba	sobica
дощечка	zaklopac	strana	zaklopac
цепочка	lanac	lančić	lanac
колечко	prsten	prstenčić	prstenčić
столик	stolić	stolić	stolić
посудинка	čaša	staklenka	čaša

Полный перевод обозначен голубым цветом, частичный обозначен синим цветом, нулевой красным (причем отсутствие даже нейтральной пары диминутива из источника обозначено фиолетовым), в то время как описательный перевод обозначен желтым.

Из приведенного видно, что больше половины когнитивных диминутивов передано нулевым переводом у Великановича и Црнковича (их только шесть из четырнадцати переведено диминутивом), в отличие от перевода Радмило, в котором преобладает частичный перевод. Восемь из четырнадцати диминутивов она передала аналогичной формой, которая в хорватском образуется суффиксами *-ić* и *-ica*, а слово *зеркальце* в ее переводе передано методом полного перевода (суффикс *-ce* совпадает с русским *-це*). Три переводчика согласны в переводе диминутива *столик*, так как каждый выбрал частичный перевод *stolić*, и в переводах слов *картинки*, *дощечка*, *посудинка*, все из которых переданы нулевым переводом. Все переводчики решили совсем выбросить слово *щёлочка* из предложения «Немного спустя дверь приотворилась на крошечную щелочку» (Достоевский 1998: 11), и передать значение словосочетания *приотвориться на щелочку* глаголом *odškrinuti*. Это особый подраздел нулевого перевода, в котором не только отсутствует диминутивная форма из источника, а нулевая пара также утрачена и

передана совсем другой частью речи. Конечно, разными наречиями передается значение уменьшительности (*malo, jedva jedvice, jedva*), но не совсем понятно компенсирует ли наречие диминутив *щёлочка* или прилагательное *крошечная* – можно интерпретировать двумя способами. Если считать, что наречия передают значение прилагательного, а не диминутивной формы, что кажется более правдоподобными, то прослеживается метод нулевого перевода (его подраздела, поскольку даже нейтральная пара слова-аналога отсутствует), не описательного перевода. Нужно еще отметить, что семантика глагола *odškrinuti*, в отличие от глагола *otvoriti (vrata)*, значит "немного открыть", сохраняя поэтому семантику – хотя не форму – слова в источнике. Это единственный случай, в котором форма нейтрализована, но значение уменьшительности удачно передано тем же нейтрализованным словом.

По словам Иванченко, причина того, что употребляются словесные аналоги, лишённые диминутивной семантики, при переводе диминутивов (т.е. причина выбора приема нулевого перевода), связана с тем, «что указание на уменьшенный размер рассматривается переводчиком [...] как несущественный в данном контексте признак» или «с неспособностью слова-аналога образовывать диминутивную форму в языке перевода» (Иванченко 2019: 9). Наверно, нашим тремя переводчикам, носителям хорватского языка, использовать диминутив во всех контекстах русского подлинника показалось излишним и, несомненно, иногда было невозможно передать русский диминутив соответствующим хорватским аналогом (диминутив *картинки* невозможно передать хорватским аналогом *sličice*, поскольку изменилось бы значение в этом случае), но интересно то, что переводчики не полностью согласны в том, в каких контекстах в свете хорватской языковой картины мира обоснованно употреблять диминутив. Что касается перевода русских когнитивных диминутивов *каморка, глазки, зеркальце, цепочка* и *колечко* на хорватский язык, в этих контекстах наши переводчики по-разному решили, нужен ли хорватский аналог или нет. Иными словами, невозможно подвести итог, что хорватские слова-аналоги неспособны образовать определенные диминутивные формы, что диминутивы в хорватском языке неприято употреблять в определенных контекстах, и что (исключительно) это влияет на выбор при их переводе. Три переводчика разошлись во мнениях, когда принято и неприято пользоваться диминутивом в хорватском тексте.

Црнкович воспользовался описательным переводом в случае словосочетания *sitne oči*, сохраняя этим приемом значение уменьшительности, несмотря на то что утратилась диминутивная форма. С другой стороны, в случае словосочетания *tajušna soba* речь идет не об описательном методе, потому что в русском источнике было словосочетание *крошечная комнатка*, т.е. лексический и диминутивный способ обозначения признака уменьшительности. У Црнковича сохранился только первый, в виде прилагательного, а диминутивная форма опускается. Снова можно по-разному интерпретировать: либо прилагательное *крошечная* передано прилагательным *tajušna*, а диминутив *комнатка* передан нулевым переводом *soba*, либо описательным переводом передана *комнатка*, а информация *крошечная* в этом случае утрачена в переводе. В этом анализе решили, что речь идет о нулевом переводе, по аналогии подобного случая *крошечная щёлочка*. Это значит, что в переводах Великановича и Радмило, в отличие от перевода Црнковича, исчезла информация лексической уменьшительности (т.е. прилагательное *крошечная*), а преимущество получил диминутив (*комнатка = sobica*).

Поскольку диминутив иногда вовсе исчез в тексте перевода, вместе с указанием на уменьшенный рост или размер того или иного предмета, переводчики также добавляли диминутивные суффиксы там, где их в источнике не находилось (компенсированный перевод), как видно в табличке:

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
шкатулка	kutija	kutija	kutijica
укладка (2)	kovčeg (2)	škrinjica (2)	škrinjica (2)
переулки	uličice	uličice	uličice
мелкие квартиры (2)	mali stanići	mali stanovi (2)	stančiji (2)
куриная нога	kokošja noga	kokošja noga	kokošja nožica
туалет	toaletni stol	toaletni stolić	toaletni stolić
комната	soba	sobica	soba
кусочек сухаря	komadić dvopeka	komadić dvopeka	komadić dvopeka

Настроение банальности Алены Ивановны и никчемности ее жизни, созданное указанием на уменьшительность различных объектов, компенсируется добавлением когнитивных диминутивов в каждом из трех переводов на хорватский язык в разных ситуациях. Компенсированный перевод обозначен в таблице жирным шрифтом. Хорватские переводчики образовали диминутивную форму от обозначающих неодушевленные предметы слов, в случаях, которые, по их мнению, являются

типичными для речевой нормы хорватского языка. Их мотивации различны. Все перевели нейтральные лексемы *переулки* и *кусок* с помощью диминутивной формы: *uličice* и *komadić*, но причина их выбора не одинакова. Слово *переулок*, значение которого «небольшая улица, обычно служащая поперечным соединением двух других улиц» (gramota.ru), нужно передать словосочетанием или диминутивом, так как в хорватском языке эквивалент отсутствует. В русско-хорватском словаре Полянец в качестве эквивалента русскому слову *переулок* приводятся *uličica* и *sporedna ulica* (Poljanec 2002: 568)³, т.е. либо диминутивная форма, либо словосочетание (описательный перевод). Это компенсация в прямом смысле, когда добавляется информация, чтобы эксплицировать значение культурной реалии читателю из другой культуры (Veselica Majhut 2020: 53), в нашем случае добавляется диминутивная форма там, где ее не было. С другой стороны, слово *komadić* могло быть передано нейтральной парой *komad*, которое эквивалент оригинальному слову *кусок*, но переводчики решили выразить настроение нехватки, слишком малого количества чего-либо.

Перевод Радмило *stančići* на месте словосочетания *мелкие квартиры* из источника компенсирует значение утраченного прилагательного помощью диминутивной формы, в то время как перевод Великановича *mali stanići* усиливает значение уменьшительности лексическим и морфологическим способом. Только Црнкович точно переводит слово за слово: *mali stanovi*. В остальных случаях переводческие решения отличаются друг от друга, либо только два, либо только один из них решил компенсировать диминутив. При этом, Великанович коснулся этого приема лишь три раза, Црнкович шесть (в два раза больше, чем Великанович), а Радмило даже девять раз.

По принципу сохранения диминутивного суффикса, когнитивные диминутивы вернее всех перевела Радмило, сохранив диминутивную форму девять раз, и шесть раз употребив прием компенсирования, чтобы сохранить настроение сцены. Црнкович и Великанович сохранили диминутивные суффиксы шесть раз, в одинаковой степени, но Црнкович их компенсировал еще шесть раз, а Великанович три.

3. Перевод коммуникативно-прагматических диминутивов

³ Если в счет взять роль языковой картины мира в межязыковой эквивалентности, то *uličica* (и *sporedna ulica*) не передает совсем удачно слово *переулок* и его культурные коннотации, но она все-таки выбрана всеми тремя переводчиками, а слово вообще достаточно трудно перевести на хорватский язык.

Последнюю группу, по классификации Иванченко, составляют коммуникативно-прагматические диминутивы, т.е. уменьшительно-ласкательные слова, указывающие в первую очередь на ласку или иную эмоцию, а не на уменьшенный размер чего-нибудь. Иванченко предупреждает, что эти диминутивы представляют особую сложность при их переводе потому что, между прочим, «одна и та же диминутивная лексема может передавать в разных контекстах противоположные значения», причем «синонимичные диминутивы могут быть связаны с разными эмоционально-оценочными коннотациями» (Иванченко 2019: 10). Следовательно, данные диминутивы более остальных передают определенный посыл автора или выражают важные для законченного образа героя эмоции. Иванченко, исследовав перевод диминутивов с русского на немецкий язык, пришла к выводу, что один из возможных приемов – это использовать «близкое по значению слово-аналог с уменьшительно-ласкательным суффиксом» в тексте перевода, или передать «эмоционально-оценочные смыслы» оригинального текста «посредством прилагательных, сопровождающих недиминутивные лексем-аналоги» (там же). В таблице перечислены решения хорватских переводчиков. Полный перевод обозначен голубым цветом, частичный синим, нулевой красным, а описательный желтым:

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
старушонка (3)	baka; starica (2)	bakica; starica (2)	staričica (2); starica
старушка	starica	starica	starica
бабушка (7)	gospodin (7)	dragović (7)	mili moj (7)
дельце	posao	posao	poslić
билетик	banka	banknotica	papirnata novčanica
сестрица	sestrica	sestrica	sestrica

У Великановича практически все коммуникативно-прагматические диминутивы переданы словами-аналогами, лишёнными диминутивных суффиксов, все кроме слова *сестрица*, наверно, потому что в хорватском существует полный эквивалент – *sestrica*. Кстати, все три переводчика выбрали эту лексему, которая, по критериям Голушина, представляет настоящий полный перевод благодаря полному совпадению суффиксов – прием, который в переводе выступает на редкость, как Голушин заметил: «только в случаях, когда речь идет о ласковом обращении по имени и/или о номинации», когда используется транслитерация (там же). Это второй раз, что в тексте перевода замечается совпадение русских и хорватских диминутивных суффиксов (первый раз было *ogledalce* у Радмило) несмотря на то, что Голушин ограничил такой метод практически только на передачу ласкательной формы имен персонажей. У Црнковича ласкательными формами

переданы и слова, которыми Раскольников и Алена Ивановна называют друг друга, *dragović* и *bakica*. С ласкательным обращением Алены Ивановны к главному герою Радмило справилась с помощью описательного перевода, выражающего ироническую нежность – *mili moj*. Слово *дельце*, которым Раскольников описывает свою разведку, свою готовку к убийству, сохраняется в диминутивной форме лишь в переводе Радмило, а слово *билетик*, которым Алена Ивановна умаляет значение и стоимость предметов, которые приносит в заклад Раскольников, передано диминутивом в переводе Црнковича (*banknotica*) – важно отметить, диминутивом-неологизмом, поскольку эта лексема в языке не существует, Црнкович ее сам образовал.

В целом, что касается перевода первой части первой главы романа на хорватский язык, приемом нулевого перевода пользовался больше всех Исо Великанович, даже двадцать пять раз, в то время как Црнкович тот же прием использовал пятнадцать раз, а Радмило четырнадцать. Приемом частичного перевода более всех пользовался Златко Црнкович, а Радмило и Великанович в меньшей степени. Добавление прилагательно (или другой части речи) с уменьшительным значением к хорватскому слову-аналогу, т.е. описательный прием, замечается у Радмило семь раз, у Црнковича всего однажды, а Великанович им не пользовался. Компенсировать диминутив решили все переводчики, но не в одинаковой степени. В таблице выписаны данные для первой части:

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
полный перевод	1	1	2
частичный перевод	10	19	13
описательный перевод	/	1	7
нулевой перевод	25	15	14
сочетание приемов	1	1	1
компенсированный перевод	3	6	9

3.3. Анализ перевода второй части

Во второй части вводится новый персонаж и новый порок – Семен Захарович Мармеладов и его пристрастие к алкоголю. Диминутивы характеризуют его физические черты и его речь, а ими пользуется и повествователь при характеристике этого совсем не однозначного героя. Уменьшительно-ласкательные слова «призваны одновременно

показать мелочность и суетливость этого героя (изобразительная функция) и вызвать к нему гадливость (эмоциональная функция)» (Чжинань et al. 2019: 19). Мармеладов в своей речи использует диминутивы, когда говорит о своем опьянении: он никогда не пьяный, а *пьяненький*, не пьет из посуды или стакана, а из *посудинки* и *стаканчика*. Выражается стыд к его привычке, и попытка уменьшит ее отрицательные последствия. Он также пользуется диминутивами, когда говорит о своих детях, особенно о Сонечке (имя даже употребляет в диминутивной форме): «Безответная она, и *голосок* у ней такой кроткий... *белокуренькая, личико* всегда *бледненькое, худенькое*» (Достоевский 1998: 24). С одной стороны, замечается нежность и любовь по отношению к его старшей дочке, с другой ощущается раскаяние, поскольку отец Сонечки во многом виноватый в ее трагедии, и он отдает себе в этом отчет: «Герои романа используют деминутивы в своей речи вполне осознанно. Они понимают, что данным словам присуще в первую очередь выражение чувств, а именно ласки, теплоты, доброты» (Чжинань et al. 2019: 20). Это особенно относится к Мармеладову, который зачастую произносит речь в местной распевочной, оттачивает ее и осознанно выбирает слова. Поэтому вторая часть совсем насыщена когнитивными и коммуникативно-прагматическими диминутивами, пока лексикализованных нет.

1. Перевод когнитивных диминутивов

Когнитивные диминутивы, как уже отметили, могут переводиться аналогичными хорватскими диминутивами или аналогами без диминутивной формы. Также было отмечено, что хорватские переводчики решили в разных ситуациях использовать совсем иные стратегии перевода. Местами пользовались частичным, местами нулевым или описательным переводом, и частота этих стратегий у каждого отличалась. В этой части романа переводчикам пришлось передать двадцать четыре когнитивных диминутивов:

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
ступеньки	<i>stube</i>	<i>stube</i>	<i>stube</i>
кусочек	- (<i>iskalana riba</i>)	- (<i>izrezana na komade</i>)	<i>komadić</i>
зеленоватый	<i>zelenkast</i>	<i>zelenkast</i>	<i>zelenkast</i>
щёлочка	<i>rupice</i>	<i>pukotinice</i>	<i>pukotine</i>
красноватый	<i>crvenkast</i>	<i>zakrvavljen</i>	<i>crvenkast</i>
глазки	<i>oči</i>	<i>oči</i>	<i>očice</i>
окошко	<i>prozor</i>	<i>prozorčić</i>	<i>prozorčić</i>
посудинка	<i>staklenica</i>	<i>staklenka</i>	<i>vrč</i>
стаканчик (2)	<i>čашica</i> (2)	<i>čашica</i> (2)	<i>čашica</i> (2)
былинка	<i>vlaće</i>	<i>vlati</i>	<i>vlati</i>

косыночка	rubac	rubac	marama
платочек	rubac	rubac	marama
стенка	zid	zid	zid
плечики	ramena	ramena	mala ramena
постелька	posteljica	krevet	posteljica
ботинок	cipelica	cipelica	cipelica
воротничок	ovratnik	ovratnik	ovratnik
нарукавнички	narukavnici	orukvice	narukavnici
ножка	nožica	nožica	nožica
коленки (4)	- (proklečala; klekne; kleči); koljena	- (proklečala; kleknuo; kleči); koljena	koljena (3); - (kleknuo)

Частичный перевод обозначен синим цветом, описательный желтым, а нулевой перевод красным цветом (причем фиолетовый обозначает ситуации, когда словесный аналог опускается и значение передается другой частью речи или словосочетанием).

Выбор не только стратегии перевода, а конкретной лексемы, совпадает у наших переводчиков восемь раз – это перевод слов *ступеньки*, *зеленоватый*, *стаканчик* (два раза), *стенка*, *ботинок*, *воротничок*, *ножка*. Нулевой перевод лексем *ступеньки*, *стенка* и *воротничок* наверно совпадает у всех трех, потому что из хорватских слов-аналогов тяжело образовывать диминутивную форму или что такая форма просто имеет неподходящие для сцены коннотации (например, из слова-аналога *zid* можно образовать диминутив *zidić*, но значение такой формы чаще всего ассоциируется с низкой стеной, отделяющей что-то открыто, без верхней ограждающей конструкции). Нулевой перевод вообще преобладает у Великановича (пятнадцать раз) и Црнковича (семнадцать раз), а в значительно меньшей степени им пользовалась Радмило (тринадцать раз). Переводчики, выясняет Есакова, при переводе с русского на какой-нибудь другой язык достаточно часто «прибегают к нейтрализации грамматического значения, скрытого в формах диминутивности» (Есакова 2020: 80), из-за разных причин: «переводчик не сумел расшифровать прагматику использованной грамматической формы»; «посчитал такую форму необязательной для передачи при переводе в виду особенностей категоризации концепта "уменьшительность", а также языковой, стилистической и узуальной норм в принимающей культуре»; или «переводчик не нашел в языке перевода подходящей формы» (там же: 81). Определить какой из этих случаев относится к каждому примеру нейтрализации у каждого из трех переводчиков практически невозможно, но, имея в виду, что в девяти случаях переводчики были полностью согласны при выборе приема нейтрализации, можно предположить, что отсутствие диминутивной формы словесного

аналога оказывает значительное влияние на их решения (маловероятно, что они все не сумели расшифровать значение, или что все посчитали форму ненужной – хотя это не исключено). В отличие от Великановича и Црнковича, половину диминутивов Радмило передала приемами частичного (десять раз) и описательного перевода (однажды), этим способом сохранив семантику и настроение уменьшительности. Полного перевода нет. В русском употребляются диминутивы, образованные суффиксом *-ок, -ек, -ка, -ки*, а в хорватском доминирует суффикс *-ica*. Интересно, из двадцати одного существительного, образованного диминутивной формой в трех хорватских переводах, их восемнадцать женского рода. Поэтому они образованы с помощью женского суффикса *-icalice* (в зависимости от единственного или множественного числа).

В общем, если считать все три перевода, сохранено двадцать шесть диминутивных форм в хорватском, из которых даже одна третья относится к внешнему виду Мармеладова, описанном с помощью диминутивов в следующем предложении: «Это был человек лет уже за пятьдесят, [...], с проседью и с большою лысиной, с отекившим от постоянного пьянства желтым, даже *зеленоватым* лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как *щелочки*, но одушевленные *красноватые* глазки» (Достоевский 1998: 17). Если считаем слова *посудинка* и *стаканчик* как важные для Мармеладова характеристики (т.е., слова, характеризующие его отношение к своему пороку), то больше половины (пятнадцать из двадцати шести) сохраненных в хорватских переводах диминутивов характеризует пьяного чиновника. Для сравнения, таких диминутивов нулевым переводом передано шесть из сорока пяти общего числа применения этого приема – значит, значение уменьшительности в целом утрачено не при переводе характерных свойств Мармеладова, а при переводе других предметов и персонажей, хотя бы что касается когнитивных диминутивов.

Компенсировать диминутивную форму переводчики решили в разных ситуациях и по разным причинам, как видно в табличке. Црнкович и Радмило использовали форму *knjižica*, которая размером отвечает оригинальному понятию – *билет*, а Великанович и Радмило решили сменить словосочетание *небольшая комната* одной лексемой, конечно – диминутивом *sobica*. В том и другом случае передается оригинальное значение (оригинальный размер), скорее, чем оно компенсируется, но уменьшительной формы в источнике все-таки не было. Остальные примеры (*kaputić, bočica, kremica*) отвечают как раз компенсации несуществующего в оригинале значения.

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
желтый билет (3)	žuta cedulja	žuta knjižica (3)	žuta knjižica (3)
в поддевке	kaputić	kaput	poddjovka
полуштоф (2)	bočica (2)	boca (2)	boca (2)
небольшая комната	sobica	mala soba	sobica
помадки (2)	pomada (2)	pomada (2)	kremica ; krema

2. Перевод коммуникативно-прагматических диминутивов

Коммуникативно-прагматические диминутивы в большинстве случаев описывают детей Мармеладова, выражая его нежность и теплоту к детям. Помимо существительных употребляется ряд диминутивов-прилагательных с суффиксом *-оньк/еньк-*, двенадцать (восемь различных лексем) из сорока диминутивов в целом, т.е. практически каждый третий диминутив. В следующей таблице приведено как эти диминутивы переведены на хорватский язык (цвета использованы, как и в предыдущих таблицах):

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
мальчишка (4)	dječak (3); dječaci	dječak (3); dečko	momčić (3); - (još jedan)
пьяненький (4)	trešten pijan (3); pijani	pijan (3); pijanice	pijan (3); pijani
слабенький	slabi	slabići	slabašni
высокенький	povisok	povisok	visok
тоненький	tanak	tanak	mršav
книжки (3)	knjiga (3)	knjižica (2); knjiga	knjižica (3)
голосок (2)	glasić (2)	glasić (2)	glasić (2)
личико (2)	lice ; lišce	lice (2)	lišce (2)
словечко	riječ	riječ	riječca
чистенький	čist	čist	čist
худенький (2)	mršav ; jadan	mršav ; bijedan	mršav ; tanak
белокуренький	plavka	plavokos	svjetolkos
бледненький	blijed	blijed	blijed
ребятишки (3)	dječica ; djeca (2)	dječica (3)	dječica (3)
дочка (2)	kći (2)	kćerka (2)	kćerka (2)
голубка	golubica	golubica	golubica
Сонечка (6)	Sonječka (6)	Sonječka (6)	Sonječka (6)
Сонечкин	Sonječkin	Sonječkin	Sonječkin
малявочка (3)	čedo (3)	mališ (3)	mrvice (3)

Сразу заметно, что коммуникативно-прагматические диминутивы-прилагательные переданы исключительно нулевым переводом (кроме одного описательного перевода у Великановича), в то время как когнитивные диминутивы-прилагательные переданы

практически исключительно частичным переводом. Это наверно можно объяснить тем, что, выделяет Иванченко, русский язык «позволяет выразить более широкую палитру эмоционально-оценочных коннотаций» (Иванченко 2019: 11) своими диминутивными суффиксами, с чем трудно справиться если язык перевода имеет более ограниченные морфологические способы выражения уменьшительности. Это, по словам Иванченко, тем не менее можно преодолеть «если выбрать максимально эквивалентный с точки зрения эмоционально-оценочного содержания слово-аналог» (там же). В переводах на хорватский эмоционально-оценочные компоненты содержания русского диминутива иногда передаются словом, вызывающим подобные ласкательной формы коннотации, как например слова *jadan* (у Великановича) и *bijedan* (у Црнковича) на месте *худенький*, в отличие от прямого значения *mršav*. Все-таки, Иванченко упоминает, что «зачастую прагматические коннотации, выражаемые диминутивами в русском языке, не находят абсолютно никакого выражения при переводе» (там же). Ласкательные коннотации диминутивов *тоненький*, *чистенький* и *бледенький*, например, совсем исчезли из их нейтральных аналогов *tanak/mršav*, *čist* и *blijed*. Порой коннотация диминутива зависит от интерпретации переводчика. Великанович перевел уменьшительно-ласкательное прилагательное *пьяненький* словосочетанием *trešten pijan*, которым указывается на совершенно пьяного человека. Великанович поэтому решил, что осуждается пьянство Мармеладова и подчеркивается его порок, а не уменьшается. Црнкович и Радмило к этой характеристике отставного чиновника относятся нейтрально. Об этой трудности также предупредила Иванченко, утвердив, что особая сложность передачи коммуникативно-прагматических диминутивов связана «со сложностью декодирования и адекватной передачи точного значения диминутива, которое определяется конкретным контекстом и обростает в русском языке разнообразными иногда сложно вычленимыми эмоционально-оценочными коннотациями» (там же: 10).

Даже если диминутивная форма сохраняется в переводе, это не значит, что полная прагматика эмоционального значения оригинала сохранена. Есакова, обратив внимание на эмоциональную прагматику диминутивных суффиксов, заключила, что достаточно частым приемом являются «переводческие трансформации на основе семантического перераспределения» (Есакова 2020: 86), однако, что такая трансформация «не передаёт аффективность, а уводит читателя в сторону количественной характеристики предмета» (там же). Конкретно, Есакова утверждает, что «в русском языке суффикс *-ишк-* имеет значение пренебрежительности», которое в переводах утрачивается (там же). В нашем

примере, диминутив *мальчишка* нейтрализован в переводах Великановича и Црнковича (*dječak, dečko*), а передан приемом частичного перевода у Радмило (*tomčić*). Значение диминутива *tomčić* относится к росту, согласно словарю хорватского языка: «*um. mali totak*» (мальчик маленького роста) (rjecnik.hr), т.е. в хорватском языке речь идет о когнитивном (уменьшительном) значении, не о эмоциональном (пренебрежительном)⁴. Лексема *личико* как раз передана лексемой *lišce* у Великановича и Радмило, но, хотя диминутивная форма сохранена, суффикс *-ce* передает уменьшительность как основное значение, не ласку (Babić 1972: 26). Суффикс *-ca*, наоборот, выражает преимущественно аффективное значение (там же), согласно чему перевод *riječca* у Радмило совершенно переносит ласкательное значение лексемы *словечко*. К сожалению, это непродуктивный суффикс, и прослеживается лишь здесь во всех трех переводах. Сохранение суффикса диминутивной формы, судя по всему, не гарантирует сохранение полной прагматики и экспрессивности, заложенной в подлиннике.

Более всех сохранить уменьшительную форму коммуникативно-прагматических диминутивов попыталась Радмило, передав их девять раз полным, восемнадцать раз частичным, а лишь тринадцать нулевым переводом. В процессе сохранено настроение теплоты к детям Мармеладова (*dječica, kćerka*) и бедное состояние Сонечки (*glasić, lišce*), которое частично передано у Великановича и Црнковича. Несмотря на различные стратегии подбора адекватных слов-аналогов, у всех трех переводчиков с помощью транслитерации передана уменьшительно-ласкательная форма имени Соня, Сонечка, так как других суффиксов оказалось бы тяжело добавлять русскому имени персонажа, а хорватская транслитерация совершенно передает эмоциональное отношение пьяного отца к своей старшей дочери.

В целом, что касается перевода второй части первой главы романа на хорватский язык, приемом нулевого перевода в одинаковой степени пользовались Великанович и Црнкович – сорок один раз каждый, в отличие от Радмило, которая использовала слово-аналог без диминутивного суффикса всего двадцать шесть раз. В большинстве случаев Радмило выбрала прием частичного перевода, двадцать восемь раз, и коснулась полного перевода девять раз. Великанович сохранил диминутивную форму двадцать раз, а

⁴ Слово *tomčić*, конечно, переносит значение пренебрежительности в разговорном языке и региональных диалектах – словари выражают строгое, официальное значение, заключенное в современном хорватском языке.

Црнкович двадцать три раза. Кроме того, Великанович воспользовался описательным переводом три раза. Радмило снова компенсировала диминутивы больше раз (пять раз), чем Великанович (четыре раза) и Црнкович (три раза). В таблице приводятся данные для второй части:

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
полный перевод	7	9	9
частичный перевод	13	14	28
описательный перевод	3	/	1
нулевой перевод	41	41	26
компенсированный перевод	4	3	5

3.4. Анализ перевода третьей части

В третьей части Раскольников, немножко проболтав со служанкой Настасьей, читает полученное от матери Пульхерии письмо. В этой сцене диминутивами выясняются чувства героя к матери, эмоции матери к сыну Раскольникову и дочери Дунечке, а заодно ласковость Настасьи по отношению к Раскольникову: «Для того чтобы показать любовь Раскольникова к матери, писатель использует деминутив *косенький* [...]. Родион скуп на выражение чувств, и этот деминутив позволяет читателю заглянуть в его душу и увидеть истинные чувства героя к матери» (Чжинань et al. 2019: 19). Удивительно, разговор Раскольникова с Настасьей занимает как раз три страницы романа и содержит девять уменьшительно-ласкательных слов, в то время как письмо Пульхерии длится приблизительно десять страниц (в три раза больше), а включает всего двадцать четыре уменьшительно-ласкательных слов – двадцать три из которых относятся к ласкательной форме имени Дуня. Ожидалось, что в эмоциями насыщенном письме матери ее сыну будет диминутивов в избытке, но они ограничены на три различных лексем, из которых большинство относится к собственному имени. Палитра уменьшительно-ласкательных слов ярче при описании отношения Раскольникова и Настасьи. Роль и значимость Настасьи объясняется в статье *Функции уменьшительно-ласкательных образований в романе «Преступление и наказание»*, в которой авторы предполагают, что в этой сцене изображается чувство жалости к герою, испытывающее ее служанкой, а стилистически выражено диминутивами: «Эта простая деревенская баба символизирует в романе жалость без причины, саму по себе, не зависящую от того хорошего или плохого, что

сделал человек, к которому ее испытывают» (Чжинань et al. 2019: 20). Следовательно, хотя роль Настасьи в романе кажется второстепенной, она является неразделимой от общего посыла и заслуживает тщательный подбор слов и форм в тексте перевода, также, как и все остальные персонажи и их сцены.

1. Перевод когнитивных диминутивов

Все когнитивные диминутивы в третьей части относятся к сцене разговора главного героя и его служанки, прежде чем он принимает письмо матери и начинает его читать. Их немного, всего восемь когнитивных диминутивов, а в следующей табличке можно увидеть какими приемами они переведены на хорватский (цвета использованы, как и в предыдущих таблицах):

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
каморка (2)	sobica (2)	sobica (2)	sobica (2)
крошечная клетушка	maljucna sobica	majušna prostorijica	najsićušniji kavez
маленький столик	stolić	stolić	stolić
желтенький	žućkast	žućkast	žut
горсточка	šačica	šačica	šaka
чаёк	čaj	čaj	čaj
кусочек	komadićak	komadić	komadić

У Великановича и Црнковича практически все сохранено в одинаковой степени – семь из восьми уменьшительно-ласкательных слов передано частичным переводом. Они даже согласны по поводу того, какие лексемы лучше передать частичным приемом, а какие нулевым. Диминутивная форма существительного *čaj*, может быть, им – как носителям языка – показалась странной и неловкой. Радмило в этом с ними согласна, но, в отличие от них, решила, что слова *желтенький* и *горсточка* можно передать и нулевой формой, не утрачивая при этом настроение и посыл источника. Слово *горсточка* из предложения «сказал он [Раскольников], пошарив в кармане (он так и спал одетый) и вытащив *горсточку* меди» (Достоевский 1998: 35) указывает на бедность главного героя – он вытащил не просто горсть меди (словом *медь*, в прочем, уже обозначается, что речь идет о монетах наименьших номиналов), а именно горсточку меди. Хотя и словом *šaka* устраивается картина живущего в беде студента, диминутивом выясняется, что он живет в нищете, что у него ломаного гроша за душой нет. Это также подчеркивается двойным диминутивом, которым описывается его жилье – мало того, что он спит в крошечной клетке, но речь идет о клетушке, настолько же она была крошечной. Цель диминутивов

– «подчеркнуть, что он [Раскольников] живет в очень маленьком помещении, не соответствующем широте его души, масштабу его личности, угнетающем его» (Чжинань et al. 2019: 20). Црнкович и Великанович соблюдают конструкцию источника (*majušna prostorijica; maljucna sobica* = имя прилагательное + диминутив), а у Радмило получается примерный перевод (*najsićušnji kavez* = имя прилагательное + нейтральная пара). По раньше утвержденной аналогии, это нулевой, а не описательный перевод. Как уже было сказано, можно интерпретировать двумя способами, принимая во внимание морфологию или семантику, и, хотя тот и другой способ уважаются и рассматриваются, в нашем исследовании преимущество дано морфологической интерпретации. Все-таки, слово *kavez* указывает на неуютные условия и ничтожный размер комнаты, сохраняя в свою очередь настроение оригинала. Вообще, нищета Раскольникова удачно передана во всех переводах.

Конечно, и в этом случае был использован прием компенсирования диминутивной формы, хотя только у Црнковича и Радмило. У того и другого уменьшительная форма относится к пище Раскольникова, снова усиливая его бедное и безвыходное состояние, принуждающее неимущего молодого человека совершить убийство.

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
сайка	žemička (3)	pogačica (3)	pecivo (3)
кусочек хлеба	zalogaj	kakav-takav kruh	komadić kruha

Что касается компенсации слова *сайка* диминутивной формой *pogačica* у Црнковича, можно утвердить, что речь идет о компенсации лишь на морфологическом уровне, не семантическом, подобно прежнему случаю *переулок* = *uličica*. Как уже было отмечено насчет межкультурной эквивалентности, Алефиренко полагает, что «хотя существует много пар слов, обозначающих в разных языках, в целом, одно и то же, эти слова часто имеют разные оттенки и сопутствующие значения» (Алефиренко 2012: 77). Особенно это относится к лексике, описывающей еду, из-за чего у каждого из переводчиков иное решение. Слово *сайка* в русском языке обозначает небольшую продолговатую булочку из пшеничной муки (gramota.ru), значит – суть значения в том, что это хлебобулочное изделие, и что оно небольшого размера. Слово *žemička* также обозначает вид выпечки, а слово *pecivo* является эквивалентом *булочки*, т.е. какой-то гипероним по отношению к терминам *žemička* и *сайка*. Оттенки отличаются от оригинала, но суть передана. Слово

pogača, как раз, обозначает вид пшеничного хлеба (rjecnik.hr). При этом возникла бы проблема, поскольку хлеб значительно большего размера, чем булочка, а в сцене ясно имплицитно нища Раскольникова. Но, диминутивом *pogačica*, который использовал Црнкович, размер концепта уменьшается и получается близкое оригинальному термину значение. Можно подвести итог, что значение здесь вообще не компенсировано, а верно передано, только другим свойством языка.

2. Перевод коммуникативно-прагматических диминутивов

Практически все коммуникативно-прагматические диминутивы (однако, всего три из пяти различных лексем) расположены в письме Пульхерии. Ласка по отношению к сыну ожидалась в таком письме и на простом лексическом плане она существует, но в форме ласкательных слов она осуществилась преимущественно в отношении к дочери. Помимо формы Дунечка/-ин, наблюдается и форма Родя, с помощью которой мать обращается Раскольникову, но это прозвище, а не ласкательное слово. В следующей таблице отмечено какими стратегиями переведены коммуникативно-прагматические диминутивы (цвета использованы, как и в предыдущих таблицах):

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
косенький	<i>kosi</i>	<i>iskošeni</i>	<i>ukošeni</i>
помаленьку	<i>pomalo</i>	<i>polakše</i>	<i>pomalo</i>
скоренько	<i>prebrzo</i>	<i>navrat-nanos</i>	<i>malkice brzo</i>
Дунечка (19)	<i>Dunječka</i> (17); <i>Dunja</i> (1); <i>Dunječkin</i> (1)	<i>Dunječka</i> (17); <i>Dunja</i> (1); <i>Dunječkin</i> (1)	<i>Dunječka</i> (13); <i>Dunjīn</i> (1); <i>Dunja</i> (4); <i>Dunječkin</i> (1)
Дунечкин (4)	<i>Dunječkin</i> (4)	<i>Dunječkin</i> (4)	<i>Dunječkin</i> (2); <i>Dunjīn</i> (2)

Ласкательными формами были выражены два наречия, *помаленьку* и *скоренько*, из которых первый произнесла Настасья, а второй Пульхерия. В первом случае Настасья шутит с Раскольником и советует ему реализовать свои замыслы не торопясь. Несмотря на то, что наречие не передано диминутивной формой ни в одном из переводов, вообще значение и настроение переданы и без такой формы. Что касается наречия *скоренько*, этим словом мать Раскольникова пытается укрыть свое неудовольствие новой ситуацией – обручением Дуни и Лужина – и тем, насколько быстро она развивается. Интересно, у Великановича и Црнковича получается то значение, которое мать хотела выразить, но спрятала ласкательной формой – то, что обручение состоялось слишком внезапно (т.е. у

Великановича это *prebrzo*, а Црнковича *navrat-nanos*). Радмило переносит оригинальную мысль употребив описательный перевод (*malkice brzo*). Антонимичные переводы одной и той же лексемы источника подтверждают тезис Есаковы, что переводчику предстоит «расшифровать идею автора, заложенную в тот или иной фрагмент, содержащий форму с уменьшительно-ласкательным суффиксом» (Есакова 2020: 76). Не существует один правильный перевод, а перевод расшифровки. Подобно, прилагательным-димиутивом *косенький*, которым указывается на немножко косо́й почерк Пульхерии, выражается и ласка сына к матери. Этот момент ласки все-же переведен нулевым переводом у всех переводчиков. Наверно трудно было создать уменьшительную форму прилагательного *kosi* на хорватском языке.

По поводу формы Дунечка/-ин, ожидалось, что она просто будет передана теми же окончаниями в хорватских переводах. В общем-то, так и есть, но не в целости – иногда она становится просто Дуней, однажды у Великановича и Црнковича, даже семь раз у Радмило. Однако, переводчики ласкательную форму ее имени не только нейтрализовали пару раз, а пару раз и компенсировали:

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
бабьим капризам	ženski hirovi	bapske mušice	ženske mušice
Дуня	Dunja	Dunječka (2)	Dunječka (1)
она-то	Dunječka	nju	nju

В целом, что касается перевода третьей части первой главы романа на хорватский язык, у Великановича и Црнковича все приемы, за исключением компенсирования, совершенно совпадают: двадцать два раза они пользовались полным переводом, семь раз частичным переводом, пять раз нулевым. Более того, они использовали одинаковый прием при переводе каждой лексемы – следовательно, их переводы в полном согласны. Одна разница, все же, обнаруживается при компенсировании: димиутивная форма в переводе Црнковича компенсируется на шести местах, а у Великановича она получается однажды. Шесть лексем в третьей части передано всеми переводчиками одинаковым приемом: три нулевым (*чаек*, *косенький*, *помаленьку*), три частичным (*каморка*, *столик*, *кусочек*). В таблице выписаны данные для третьей части:

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
полный перевод	22	22	16

частичный перевод	7	7	4
описательный перевод	/	/	1
нулевой перевод	5	5	13
компенсированный перевод	1	6	3

4. Заключение

Перевод романа *Преступление и наказание* представляет собой множество разнообразных проблем (для переводчика), в том числе и проблему перевода уменьшительно-ласкательной лексики. В процессе сопоставительного анализа трех хорватских переводов выяснилось, что все переводчики прибегали ко всем стратегиям перевода по признаку качества и характера соответствия текста источника и текста перевода. В результате анализа случаев перевода лексики с диминутивными суффиксами было установлено неоспоримое преимущество нулевого перевода у всех переводчиков, как видно в следующей таблице:

Таблица 1.0 – переводы всех трех частей

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
полный перевод	30	32	27
частичный перевод	30	40	45
описательный перевод	3	1	9
нулевой перевод	71	61	53
сочетание приемов	1	1	1
компенсированный перевод	8	15	17

Все-таки, нулевой перевод не преобладает у всех в одинаковой мере. У Великановича, например, нулевой перевод составляет ровно половину всех его переводческих приемов в общем. У Црнковича замечается же совершенно другой случай – диминутивная форма сохранена (либо полным, либо частичным переводом) больше раз, чем она утрачена. У Радмило нулевой перевод превышает частичный не за много, диминутивная форма также в большинстве случаев сохранена, а чаще использованы описательный прием и компенсация, чем у остальных двух переводчиков. Стратегия полного перевода, следует упомянуть, у всех использована в первую очередь при транслитерации имен персонажей

романа, а нарицательные имена существительные сохранены в большинстве случаев методом частичного перевода.

Несмотря на то, что в общем доминантным оказался нулевой метод, он не всегда был самым плодотворным приемом во всех частях романа и для всех диминутивных разделений, в чем можно убедиться в нижеприведенных таблицах. В таблице 1.1, т.е. при переводе лексикализованной диминутивной лексики, частичный и полный перевод использованы в практически одинаковой мере. В таблице 3.2 основной была стратегия полного перевода, а в таблицах 1.1, 2.1 и 3.1 ее вообще нет. Случаи компенсации по большей части относятся к переводам когнитивных диминутивов всех частей романа, а сочетание методов прослеживается только однажды на одном и том же месте у всех трех переводчиков. Нулевой перевод был главной стратегией во всех переводах только при переводе диминутивов из таблиц 2.1 и 2.2. Вообще выбор стратегий перевода нередко сильно отличается у переводчиков: в таблице 1.3 у Великановича доминирует нулевой, частичный не использован, в то время как Црнкович больше половины лексем передал частичным приемом; в таблице 2.2 Великанович и Црнкович большинство диминутивов нейтрализовали, а у Радмило большая часть сохранена частичным переводом. Все это свидетельствует о том, что русскоязычную картину мира не можно полностью передать на хорватский язык, но заодно, что носители хорватского языка – три переводчика – не всегда согласны в каких ситуациях следует сохранить форму источника в переводе и каким приемом ее надо заменить в тех ситуациях, когда форма не отвечает хорватской картине мира. Универсальных принципов языковой картины мира, судя по всему, нет, а совпадающие переводческие решения редко встречаются между тремя переводами – они варьируются не в одинаковых степенях.

Таблица 1.1 – лексикализованные (первая часть)

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
полный перевод	/	/	/
частичный перевод	4	4	2
описательный перевод	/	/	/
нулевой перевод	4	4	6
сочетание приемов	1	1	1
компенсированный перевод	/	/	/

Таблица 1.2 – когнитивные (первая часть)

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
полный перевод	/	/	1
частичный перевод	6	6	8
описательный перевод	/	1	/
нулевой перевод	8	7	5
компенсированный перевод	3	6	9

Таблица 1.3 – коммуникативно-прагматические (первая часть)

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
полный перевод	1	1	1
частичный перевод	/	9	3
описательный перевод	/	/	7
нулевой перевод	13	4	3
компенсированный перевод	/	/	/

Таблица 2.1 – когнитивные (вторая часть)

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
полный перевод	/	/	/
частичный перевод	9	7	10
описательный перевод	/	/	1
нулевой перевод	15	17	13
компенсированный перевод	4	3	5

Таблица 2.2 – коммуникативно-прагматические (вторая часть)

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
полный перевод	7	9	9
частичный перевод	4	7	18
описательный перевод	3	/	/
нулевой перевод	26	24	13
компенсированный перевод	/	/	/

Таблица 3.1 – когнитивные (третья часть)

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
полный перевод	/	/	/
частичный перевод	7	7	4
описательный перевод	/	/	/
нулевой перевод	1	1	4
компенсированный перевод	/	3	1

Таблица 3.2 – коммуникативно-прагматические (третья часть)

	Исо Великанович	Златко Црнкович	Татьяна Радмило
полный перевод	22	22	16
частичный перевод	/	/	/
описательный перевод	/	/	1
нулевой перевод	4	4	9
компенсированный перевод	1	3	2

Преобладание в целом нулевого перевода у вышеупомянутых переводчиков значит, что большинство уменьшительных и аффективно-ласкательных значений, выраженных в источнике, было просто утрачено в переводах. Иванченко заметила то же самое в своем анализе немецких переводов русских диминутивов, но она подчеркивает, что потеря эмоционально-оценочных коннотаций источника не связана с недостаточным качеством перевода, что это «можно объяснить тем, что употребление диминутивных лексем в подобных контекстах является с точки зрения немецкого языкового сознания неоправданным» (Иванченко 2019: 11). Есакова также подтверждает, что переводчики нередко прибегают к нейтрализации прагматического значения, скрытого в русских диминутивных формах, и, хотя понимает, что это результат стилистических и узуальных норм в принимающей культуре или отсутствия подходящей в языке перевода формы, она к этому достаточно строго относится, утверждая, что «нейтрализация значений диминутивных форм обедняет текст художественного произведения, лишая его присущей эмоциональности и экспрессивности» (Есакова 80-81). В настоящей работе установлено, что замена русских диминутивов на нейтрализованные слова-аналоги хорватского языка во многих случаях мотивирована тем, что от хорватских аналогов невозможно образовать диминутивную форму по той или иной причине (например если аналог обозначает денотат, которому свойство уменьшительности в хорватском языке не присуще) или тем, что излишнее употребление диминутивов во многих ситуациях не свойственно хорватской языковой картине мира. В каких ситуациях они излишни и когда свойство уменьшительности является для них типичным определяет переводчик: переводчики порой в этом были согласны, порой их решения и стратегии перевода расходились. Переводы на хорватский далеко не всегда сохраняют все уменьшительно-экспрессивные нюансы значений, выраженные диминутивными формами, из-за чего колорит аффективных смыслов, созданных автором источника, частично или полностью теряется, но определенная часть удачно передается и местами компенсируется.

5. Список литературы

Алексеева, И.С. (2008) *Текст и перевод. Вопросы теории*. Москва: «Международные отношения».

Алефиренко, Н.Ф. (2012) *Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка*. Москва: Издательство «Флинта», Издательство «Наука».

Буряковская А.А., Звонарева Ю.Н. (2010) *Эволюция употребления диминутивов в русской литературе XIX века*. Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-upotrebleniya-diminutivov-v-russkoy-literature-xix-veka> (дата обращения: 01.07.2023).

Го Чжинань, Го Юйцзинь, Гао Ни (2019) *Функции уменьшительно-ласкательных образований в романе «Преступление и наказание»*. Филологические науки. Вопросы теории и практики, 12 (6), 18-21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-umenshitelno-laskatelnyh-obrazovaniy-v-romane-prestuplenie-i-nakazanie> (дата обращения: 01.04.2023).

Голушин, Иван (2018) *Диминутив как микропереводема (на материале романа М. Шишкина "Письмовник" и его перевода на сербский язык)*. Вестник Череповецкого государственного университета. №4 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diminutiv-kak-mikroperevodema-na-materiale-romana-m-shishkina-pismovnik-i-ego-perevoda-na-serbskiy-yazyk> (дата обращения: 04.05.2023).

Есакова М.Н., Леоненкова Е.Д. (2020) *Русские диминутивы как особые единицы перевода*. Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-diminutivy-kak-osobyedunitsy-perevoda> (дата обращения: 21.05.2023).

Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. (2009) *Лингвокультурология: теория и практика*. Санкт-Петербург: МИРС.

Иванченко, Татьяна Анатольевна (2019) *Особенности передачи диминутивного значения при переводе с русского языка на немецкий*. Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. №2 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-peredachi-diminutivnogo-znacheniya-pri-perevode-s-russkogo-yazyka-na-nemetskiy> (дата обращения: 20.05.2023).

Радченко Марина (2009) *Словообразовательные неологизмы в современном русском и хорватском языках*. Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnye-neologizmy-v-sovremennom-russkom-i-horvatskom-yazykah> (дата обращения: 12.10.2023).

Радченко Марина, Пехар Ружица (2009) *Морфологическая адаптация новейших русских и хорватских англицизмов*. Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/morfologicheskaya-adaptatsiya-noveyshih-russkih-i-horvatskih-anglitsizmov> (дата обращения: 12.10.2023).

Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. (2004) *Современный русский язык*. Москва: Айрис-пресс.

Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ: gramota.ru

Фуфаева, Ирина Владимировна (2016) *Экспансия экспрессивных диминутивов в русском языке*. Вестник ННГУ. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspansiya-ekspressivnyh-diminutivov-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 14.05.2023).

Babić, Stjepan (1972) *Sustav u tvorbi hrvatskih umanjena*. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije.

Babić, Stjepan (1986) *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Nacrt za gramatiku*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti: Globus.

Veselica Majhut, Snježana (2020) *Krčma, gostionica, pub: dijakronijska studija prevođenja kulturno specifičnih referenci u kriminalističkim romanima*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.

Palašić, Nikolina (2020) *Pragmalingvistika – lingvistički pravac ili petlja?* Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada; Sveučilište u Rijeci, Filozofski fakultet.

Pavlović, Nataša (2015) *Uvod u teorije prevođenja*. Zagreb: Leykam international.

Poljanec Radoslav F., Madatova-Poljanec S.M. (2002) *Rusko-hrvatski rječnik*. Zagreb: Školska knjiga.

Školski rječnik hrvatskog jezika: <https://rjecnik.hr/>

6. Источники

Достоевский, Федор Михайлович (1998) *Преступление и наказание*. Харьков: «Фолио»; Москва: Издательство «AST».

Dostojevski, Fjodor Mihajlovič (1996) *Zločin i kazna*. Prev. I. Velikanović. Zagreb: SysPrint.

Dostojevski, Fjodor Mihajlovič (2022) *Zločin i kazna*. Prev. T. Radmilo. Zagreb: Bodoni.

Dostojevski, Fjodor Mihajlovič (1995) *Zločin i kazna*. Prev. Z. Crnković. Zagreb: Školska knjiga.

7. Sažetak

U radu se analiziraju prijevodi deminutiva s ruskog na hrvatski jezik na primjeru prva tri dijela prvog poglavlja romana F.M. Dosto'evskog *Zločin i kazna*. Njihovom usporednom analizom utvrđene su najčešće korištene strategije prijevoda te omjer i učestalost istih. Iz izvornog je teksta odabrano i analizirano 135 deminutivnih leksema.

U prvom dijelu rada utvrđuju se svojstva i obilježja deminutiva u ruskom i hrvatskom jeziku, njihove sličnosti i razlike te opća teorija jezične slike svijeta i međukulturne komunikacije. Uz teoriju lingvokulturologije i pregled deminutivnih oblika i sufiksa u oba jezika, razmatra se i teorija prevođenja. Razmatraju se strategije prevođenja općenito, kao i

rješenja i problemi specifično vezani za prevođenje deminutiva. U drugom se dijelu objašnjava uloga deminutiva pri opisima i vrednovanju glavnih likova romana i njihova okruženja, nakon čega se navodi metodologija istraživanja. Provedeno je istraživanje triju prijevoda na hrvatski jezik, pri čemu su identificirane tri vrste deminutiva te je utvrđeno pet strategija njihova prevođenja. Utvrđeno je da je tehnika neutralizacije općenito najproduktivnija, ali se – ovisno o dijelu romana i konkretnom prijevodu – rješenja i strategije često razlikuju kako bi se očuvale stilske i izražajne značajke izvornog teksta.

Ključne riječi: deminutivi, deminutivni sufiks, prijevod deminutiva, jezična slika svijeta, ekvivalentnost

Ключевые слова: диминутивы, диминутивный суффикс, перевод диминутивов, языковая картина мира, эквивалентность

8. Kratki životopis

Teo Francišković rođen je u Zagrebu 07. 06. 1999., gdje je pohađao i završio osnovnu (2006.-2014.) i srednju školu (2014.-2018.). Tijekom srednjoškolskog obrazovanja kao najbolji učenik engleskog jezika u razredu nagrađen je boravkom na Floridi, gdje je dva tjedna pohađao školu Clearwater Central Catholic High School (2016.). Upisao je studij anglistike i ruskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu u Zagrebu akademske godine 2018./2019. Odlučio se za prevoditeljski smjer na oba diplomatska studija. Član je Talijanske zajednice u Zagrebu, aktivan sudionik u Inicijativi mladih za ljudska prava (YIHR), član studentskog kluba KSRUP, te je odradio mandat studentskog predstavnika pete godine rusistike. Godine 2022. objavljen je njegov članak na ruskom jeziku «Поэма еды»: о повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» u časopisu SlavicumPress, a tekstove je objavio i u okviru projekta POJAM, za časopis @rhivi te za interni bilten Europskog parlamenta. Paralelno uz studij obavlja studentski posao tehničkog zapisničara u AVL-u, a također se bavi prevođenjem i lekturom tekstova te volonterskim radom s izbjeglicama iz Ukrajine.